
КОНСТАНТИН ПАУСТОВСКИЙ
ОЗЕРНЫЙ ФРОНТ

Озерный фронт

Константин Георгиевич Паустовский

Аннотация
Константин Паустовский. Озерный фронт

Аннотация

В годы гражданской войны против объединенных войск белых и интервентов, наступавших со стороны Мурманска, на Онежском и Ладожском озерах воевали люди, которые зачастую были даже без обмундирования и плавали на старых пароходах, на скорую руку переоборудованных в военные суда. Эта книга рассказывает о героической повседневности сознательных защитников революции, об их подвигах на фронте, о трепетном отношении к Родине и свободе.

Константин Паустовский
Озерный фронт

Капитан Тренер пожевал жареную репу и вздохнул. Вкус репы отдавал горечью, как воздух лесистого и холодного Заонежья, где стояла флотилия.

Кончался май. Грязный лед все еще таял на берегах Онежского озера. По ночам казалось, что озеро превращается в море, — запах льда напоминал запах сырых приморских песков.

Лес шумел за окнами избы, нагоняя сон. Канонерские лодки кланялись берегу, поблескивая огнями. То были старые буксирные пароходы, приплюснутые, как клопы. В Петрозаводске их выкрасили в цвет мокрого полотна и поставили им на палубы орудия.

— О чем вздыхаешь, старик? — спросил Тренера штурман Ерченко, прозванный «Сарвингом».

На морском языке сарвингом называют старую, истлевшую парусину. Наступили жестокие дни. Лучшим напитком считался спитой чай, великолепной едой — болтушка из затхлой муки. Толстый штурман лишился своего объема и посерел, подобно видавшему виды рыбачьему парусу. «Сарвинг» — сказал о нем Тренер. Прозвище немедленно было узаконено всей Онежской озерной флотилией.

— Погано! — ответил Тренер. — Сиди в этой ды-

ре и дожидайся английских истребителей. Жуй репу и любуйся на «консервные банки», — он кивнул за окно, где пни канонерок продолжали качаться с монотонностью маятников. — К тому же холодно. Наступает второй ледниковый период.

Комиссар Мартайнен неодобрительно ухмыльнулся.

Хозяйка избы, старуха Кузьминишна, поставила на стол тарелку с вареной ряпушкой. Тренер ковырнул вилкой перепрелую кашу из рыбы и рассердился.

— Что вы хмыкаете? Надо наконец научиться уважать науку. Флотилия на собственной шкуре испытывает приближение льдов.

Сарвинг заскрипел стулом.

Тренер гневно взглянул на штурмана.

— Не лезь в пузырь, Эдуард, — прохрипел Сарвинг. — Я тебя всегда с удовольствием слушаю.

— Надо иметь голову на плечах, — сказал Тренер. — Почему англичане устроили в Медвежьей Горе базу? Почему поставили на берегу судовые орудия и спустили на озеро истребители? Если бы не лед в мае, в половине мая, было бы это или нет? Я тебя спрашиваю, старый обалдуй. Конечно, нет. Наши коробки от сардин не могли

форсировать лед. Мы бегали около кромки льда и грызли собственные кулаки. Май, видите ли, чудесный месяц май, стоял над этим чертовым озером, и лед таял с такой же скоростью, с какой растет борода у флагмана.

(Было известно, что флагман брился раз в неделю не из-за отсутствия времени, а за полной ненадобностью делать это чаще.)

— Холодная весна, — согласился Мартайнен.

— Холодная весна? — язвительно переспросил Тренер. — Вы в этом уверены? А вы знаете, что здесь в доисторические времена был климат Сицилии?

— Все может быть, — согласился Мартайнен. Ему хотелось спать. Сарвинг уже всхрапывал.

— Да, все может быть, — ответил Тренер и оглянулся.

Из темного угла избы, где стояла кровать, послышался тихий плач.

Мартайнен смотрел за окно, где между сосен дрожали звезды. Сарвинг проснулся и встал.

— Опять! — сказал он испуганно и начал застегивать рваную шинель, похожую на больничный халат. — Пора на канонерку. В пять часов снимаемся в дозор к Мэг-острову. Хоть бы часика три поспать.

— Мертвого не воротишь, — пробормотал Мартайнен, — Идемте, штурман.

Тренер остался. Еще третьего дня он забрел в избу Кузьминишны в поисках молока. В избе он застал старуху и молодую плачущую женщину. Пока старуха кормила Тренера простоквашей, женщина не переставала плакать.

Тренер торопливо глотал простоквашу, не чувствуя вкуса, потом тихо спросил старуху, кто эта женщина.

— Учительша, — прошептала старуха. — Беда у нее случилась. Девочку убили.

Тренер больше ничего не спрашивал. У себя, на канонерской лодке «Номер два», он рассказал о необыкновенной избе, где кормят густой простоквашей. В избу началось паломничество.

Старуха притворно негодовала, но в простокваше не отказывала.

Когда простокваша иссякала, Кузьминишна кормила моряков жареной репой и ряпушкой.

Избу прозвали «Кафе Колдунчик». Каждый вечер там можно было застать посетителей, отдаленно напоминавших моряков. Об их профессии можно было догадаться по случайно уцелевшим признакам: фуражкам с золочеными «крабами», рваным клешам, пуговицам с якорями, татуиров-

ке под рукавами ватных телогреек и старомодных пиджаков, по больше всего — по обветренным и озябшим лицам.

Сарвинг и Мартайнен ушли. Тренер остался. Он был любопытен. Жгучее любопытство преследовало его все время. Несмотря на свои сорок лет, он увлекался множеством вещей. Он походил на мальчика, старающегося во что бы то ни стало сломать игрушку, чтобы заглянуть внутрь. Жизнь была для Тренера подобна этой игрушке. Он любил разбирать механизмы, расспрашивать людей, читать научные исследования, спорить. Из накопленных за долгие годы наблюдений он делал ошеломляющие выводы. Это занятие его радовало. Потому, может быть, через всю жизнь Тренер прошел легко, точно посвистывая, и заслужил кличку чудака.

Тренеру не давала покоя учительница. Он хотел узнать причину ее слез. На этот раз им меньше всего руководило любопытство. Он испытывал несвойственную ему досадную жалость.

— Как это случилось? — спросил он Кузьминишну.

Рассказ старухи не успокоил Тренера. Откровенно говоря, он ничего не понял. Ясно было одно — дочь учительницы, двухлетняя девочка,

погибла от взрыва ручной гранаты.

Необходимо оговориться. Дело происходило в 1919 году в селе Толвуе, на полуострове Заонежье. С севера на Петрозаводск наступали две белые армии. Оловецкая добровольческая армия, состоявшая из финнов, прорвалась из Финляндии к Лодейному Полю. Северная добровольческая — густая смесь из английских, сербских, американских и русских белых отрядов — двигалась из Мурманска вдоль железной дороги. Последнюю армию называли «англичане».

В мае 1919 года англичане заняли Медвежью Гору — самый северный пункт на Онежском озере. Они укрепились там и послали в Заонежье отряды с продовольствием и оружием — поднять восстание среди хозяйственных заонежских рыбаков.

Восстание началось в Толвуе и Шуньге, но было быстро подавлено.

Сарвинг на своей канонерской лодке доставил в Толвуй из Петрозаводска музыкантскую команду. Этого оказалось достаточно, чтобы восставшие подняли белый флаг и сдались.

В то время на Карельском фронте не было войск и винтовок. Каждые десять вооруженных людей считались хорошей боевой частью. Довольно

того, что единственный батальон целый месяц сдерживал натиск превосходящих сил белых вдоль Мурманской дороги, яростно защищая каждую шпалу и каждый телеграфный столб. В конце концов этот потрепанный и голодный батальон остановил наступление белых.

Все главные силы были оттянуты против Юденича. Сарвинг заслуженно гордился «толвуйским делом». Барабанщики и трубачи, умевшие с грехом пополам сыграть «Интернационал», оказались надежными бойцами.

Правда, после этого Сарвингу долго не давали покоя. Каждый раз, когда его канонерка, прозванная «Музыкантом», вползала, шлепая колесами, в петрозаводскую гавань, команды сторожевых катеров встречали ее варварским маршем. Его наигрывали на гребенках, жестяных кружная и попросту хлопая себя по надутым щекам.

На это развлечение командующий флотилией смотрел сквозь пальцы. Сарвинг багровел и ругался.

Несчастье с учительницей случилось в день высадки музыкантского десанта.

Сарвинг внезапно открыл по селу огонь из кормового орудия. Началась паника. Отряд из нескольких американских солдат во главе с лей-

тенантом Шервудом бежал в лес, не сделав ни одного выстрела.

Шервуд бежал впереди. В узком переулке он натолкнулся на учительницу. Она спешила с девочкой в единственный каменный амбар, чтобы спрятаться от обстрела. Шервуд задел учительницу плечом и отскочил. Раздался взрыв. Шервуд бросился дальше. Солдаты бежали за ним. Один из них перепрыгнул через упавшую девочку, остановился, показал себе на голову, что-то яростно прокричал по-английски и побежал дальше.

Девочка была убита осколком ручной гранаты в висок. Очевидно, Шервуд уронил гранату, наткнувшись на учительницу.

— Непонятно, — пробормотал Тренер — Чтобы граната взорвалась, необходимо сбить кольцо, а для этого надо остановиться. Тут что-то не так.

Учительница взяла убитую на руки и ушла в лес. Она ходила до утра, баюкала посиневшую девочку и пела ей песни.

Утром сигнальщик, матрос Федор Гущин, привел учительницу в деревню. Вот все, что удалось узнать Тренеру.

Тренер надвинул форменную кепку на глаза и пошел на канонерку. В туманном озере плескались мелкие волны. Над ними в теплом воздухе,

опровергавшем опасения Тренера о нашествии льдов, подымалась опухшая луна.

Тренер поморщился. В лунные ночи он спал тревожно. Значит, опять бессонница.

Учительница напомнила ему молодость, когда он гардемарином приехал к себе на родину, в Псков. Тогда у него был еще свежий голос. Каждый вечер он выезжал в лодке на реку Великую, становился под мостом и пел. Мост давал гулкий резонанс. Тренер пел старинный романс. Теперь он его забыл, в памяти осталась только одна строчка:

Кто ты, певунья, я не знаю…

Вокруг Тренера толпой собирались лодки. Он запомнил одну, выкрашенную в белый цвет. В ней приезжала девушка, удивительно похожая на эту учительницу — те же зеленоватые, немного косые глаза, тот же застенчивый взгляд. Такая же милая дурнушка.

«Вот молодость! — подумал Тренер, — Пенье до рассвета, холодная вода Великой, запах цветущих лип…»

У себя в каюте он сейчас тоже тихо запел: «Кто ты, певунья, я не знаю», но прислушался и осекся. Начало сердито стрекотать радио. Через

несколько минут радист принес синий бланк — зашифрованный приказ командующего немедленно сниматься и идти из Онежского озера в Ладожское, к пристани Свирице.

Тренер сказал про себя: «Есть идти в Свирицу». Он не знал тогда, что присутствует при начале смелой и блестящей видлицкой операции.

В три дня флотилия прошла несколько сот миль из Онежского озера в Ладогу и отдала якоря в Свирице, вблизи впадения Свири в Ладожское озеро.

Путь был совершен в глубочайшей тайне. Готовился быстрый удар в тыл финнам — удар на Видлицу, главную базу Олонецкой добровольческой армии.

Финны ничего не подозревали. На Ладожском озере советских судов не было. Переброска их из Онежского озера казалась невероятной. По законам стратегии это было равносильно безумию, ибо фронт против англичан оказывался обнаженным. К тому же петрозаводская газета печатала успокоительные сообщения, что Онежская флотилия до последней крайности будет защищать город от англичан и жители могут спокойно предаваться своим занятиям.

Финские шпионы доставляли номера газеты в штаб Олонецкой армии, где большевистской

газете верили беспрекословно и наивно.

В Свирице Тренер поднялся на мостик. Холодные луга лежали вокруг. В прибрежном тальнике шумел ладожский ветер. Глыбами лакированного серого льда застыли на воде эскадренные миноносцы «Уссуриец» и «Амурец», пришедшие из Балтики.

Медные поручни на миноносцах были надраены до той степени блеска, какая носит у моряков название «чертова глаза». Закат рассыпал по меди десятки маленьких угрюмых солнц.

Над рекой дымилось тяжелое небо. Солнце прорвало в тучах окровавленную щель.

Мартайнен принес на мостик приказ командующего флотилией Панцержанского. Он был передан с посыльного судна, где командующий держал свой флаг.

Тренер читал приказ с нескрываемым удовольствием. Он любил язык приказов, короткий, будто блеск световых сигналов, которыми перекликаются боевые корабли во время ночных походов.

— «Общая задача, — читал Тренер, — сбить неприятельские батареи у посада Видлица и высадить десант в устье реки.

Корабли собираются в Свирице. По моему сигналу все снимаются с якоря и вступают в строй

кильватера. В Видлице эсминцы подходят к берегам севернее реки и начинают обстрел батарей на правом ее берегу, стараясь сосредоточить батареи и имея их на норд-ост от себя. Затем миноносцы переносят огонь на Видлицкий Посад. Заградитель „Яуза“ обстреливает батареи южнее реки и прекращает огонь не ранее, чем батареи замолчат.

Дивизиону сторожевых судов держаться на вест от заградителя „Яуза“ и по сигналу последнего идти в устье реки. Подойдя к устью, открыть огонь и остановиться у пристани».

— Это нам, — сказал Тренер. — Будет шумно.

«После высадки десанта с транспортов всякая артиллерийская стрельба прекращается. Корабли остаются на местах и ждут моего распоряжения.

Миноносцы имеют трехфлажную сигнальную книгу. Для пароходов средство связи — только голос».

— Всё? — спросил Мартайнен.

— Всё, — ответил Тренер и повторил. — «Для пароходов средство связи — только голос».

— Собственно говоря, одним голосом и воюем. И, между прочим, бьем. Под островом Мэг на Онежском озере — это было еще до вас — налетели английские гидро. Летчики хамили, почти цепляли за мачты. А у нас ни одного зенитного

орудия. Пулеметы вверх не бьют из-за перекоса лент. Пришлось отстреливаться из винтовок и грозить кулаками. Но зато мы идеально научились увертываться на своих консервных банках. У англичан не было ни одного попадания.

— Бывает, — промолвил Мартайнен.

Он принадлежал к породе людей, разговаривающих глазами. Он даже редко говорил «да» или «нет.» Обычно о согласии или отказе Тренер узнавал по его взгляду. На Тренера он смотрел одобрительно, целиком ему доверял, на только что присланного из Петрограда старшего артиллериста — со скукой, считал его безвредным шаркуном.

Мартайнен никогда не ругался. В тех случаях, когда надлежало сказать крепкое слово, у него краснел затылок и белели глаза.

Выход в озеро был назначен ночью. Тренер приказал разбудить себя в полночь и спустился в каюту. Он лег и укрылся шинелью.

— «Сражения — это дым», — пробормотал он сквозь дремоту. «Кто это сказал? Какая чепуха! Должно быть, кто-нибудь из английских военачальников. По старым английским традициям, каждый боевой генерал, умирая, говорил какую-нибудь глупость, вроде того, что „война, как и все

явления в мире, необходима“. „Англия надеется, что каждый исполнит свой долг“ — это самое неудачное из выражений Нельсона.

Кстати, почему Нельсон выиграл Трафальгарскую битву? В маневрировании парусных линейных кораблей не было правильного расчета. Нельсоном руководили каприз, полет фантазии, безрассудная смелость.

У нас — иное. Мы выигрываем благодаря простому плану, скрепленному мужеством и верой в дело».

— Трафальгар, — промолвил Тренер и натянул шинель на голову.

Дремоту Тренера прервал короткий стук в дверь. Пришел Мартайнен. Он сел в ногах Тренера, скрутил папиросу и будто невзначай обронил:

— Артиллерист дрейфит.

— Я проверял дальномеры и крепления. Всё в порядке.

— Да, но человек не в порядке.

— Будем следить.

Тренер поморщился и сел на койке. Болела голова. Перед боем это было совсем напрасно.

— А я здесь лежал, думал.

— Мечты о магнолиях в Петрограде? — усмех-

нулся Мартайнен.

— Да, все те же мечты о магнолиях, — вздохнул Тренер.

Его беспокоил артиллерист. Маленький, черный, очень вежливый, он выдавал свое сухопутное происхождение бледным лицом и множеством угрей на щеках. В боях он еще не был.

Артиллерист сам стриг себе усы по-английски. В каюте у него пахло филодермином и парикмахерской. На стенах веерами висели открытки золотоволосых девушек с розовыми носами и глазками цвета капусты. С матросами артиллерист говорил вкрадчиво, но мало. Команда его невзлюбила и прозвала «пассажиром».

— Ему бисером вышивать, а не плавать, — проворчал Тренер и натянул шинель. Пора было подыматься на мостик. — Что с ним происходит?

— Он дрожит, — ответил Мартайнен, и затылок его побагровел.

Тренер крякнул, выругался и застегнул шинель Внезапно лицо его стало каменным, глаза похолодели. Он засунул руку в карман и вынул старые кожаные перчатки. Мартайнену показалось, что этим незаметным жестом Тренер небрежно спрятал в карман недавние мечты о магнолиях.

Тренер сказал резко:

— Сейчас снимаемся.

— Есть! — невольно ответил Мартайнен и пропустил Тренера вперед.

Ветер с Ладоги пересчитывал редкие огни флотилии. Гулкий пар рвался вверх из труб миноносцев. После дремоты бледная северная ночь показалась Тренеру сном. Речные волны шумели в прибрежных кустах. Над болотами скрипели коростели.

В эту минуту старый буксирный пароход «Сильный» — ныне канонерская лодка «Номер два» — показался Тренеру грозным истребителем. Корабль затих. Люди говорили шепотом. Только машина, разогреваясь, посапывала паром.

На посыльном судне замигал сигнал. Все вздрогнули, хотя ждали его именно в этот час. Сигнал был дан в назначенное время.

Тотчас же две низкие тени миноносцев сдвинулись и, вздохнув машинами, пошли за посыльным судном. Флотилия вытягивалась белой линией кильватерных огней.

Вышли в озеро. Ветер свежел. С веста шла короткая волна. Через час канонерская лодка «Номер два» уже отыгрывалась, принимая волну. Тренер слушал нараставший шум и не мог отделаться от

мысли, что шумят не прибрежные сосновые леса, а Ладожское озеро.

По пути в Видлицу, около устья реки Олонки, флотилию ждали транспорты с десантом. К ним подошли в три часа ночи. Рассвет зарождался на востоке отблеском бесконечных болот. Ветер стих.

В полной тишине флотилия перестроилась. Сторожевые суда окружили кольцом транспорты. Финская батарея как бы спросонок открыла огонь. Снаряды ложились между судами флотилии и берегом. Командующий приказал на огонь финнов не отвечать.

Тренер считал недолеты и посматривал на артиллериста.

Артиллерист потирал руки.

— Зябнете? Надо было выспаться раньше, — жестко сказал Тренер. — От дрожи может случиться расстройство желудка.

Артиллерист покраснел и сошел с мостика.

В пять часов флотилия подошла к Видлице. На берегах стояла предрассветная тишина. Если прислушаться, то слышался свист просыпающихся птиц. Было туманно и сыро.

Миноносцы отделились от флотилии, ушли к северу, круто повернули, и тотчас два гулких

залпа, повторенных эхом, блеснули над серой водой.

Залпы учащались. Дым сражения — о нем недавно вспоминал Тренер — качался над палубами, взрываясь звонким треском огня.

Заградитель «Яуза» открыл огонь по видлицкому заводу. Завод вспыхнул исполинским костром. Финны отвечали торопливо и ожесточенно. Чайки с детским визгом неслись на юг, оглушенные боем.

Берега глухо дрожали. Дым взвивался над лесом то белыми, то багровыми клубами, — «Яуза» вела же. Дуэль с батареей на южном берегу. Тренер посмотрел на часы, было уже шесть. Бой длился ровно час.

Подняв глаза от часов, Тренер увидел, как артиллерист пригнулся у орудия. Тренер, пораженный смотрел на него, — были видны блестящие глаза на смуглом лице. «Прямо Лермонтов», — подумал Тренер.

Канонерка вздрогнула, отшатнулась, и завыл, ввинчиваясь в небо, снаряд. Взрыв! Он пышно и долго расплывался над землей. Вместо четырех орудий неприятельская батарея начала отвечать из трех.

— Пассажир подбил орудие, — сказал штур-

вальный.

Тренер оглянулся и в упор посмотрел в его смеющиеся глаза.

— Не пассажир, а старший артиллерист, — сказал голосом, покрывшим гул боя. — Шутки в бою считаю неуместными.

Бой разгорался. Финны отстреливались с редким упорством. Сарвинг на своей канонерке, окутанной дымом, был ясно виден издалека: казалось, на мостике стоял памятник.

«Яуза» тремя залпами сбила батарею на южном берегу реки. Миноносцы носились вдоль северного берега, на крутых поворотах полыхая желтым огнем.

— Огонь достигает степени ураганного, — промолвил Тренер и поднял бинокль.

Смотреть мешали частые выстрелы с канонерки, поле зрения в бинокле смещалось после каждого удара.

Наконец Тренер нащупал неприятельскую батарею и выругался. То, что он увидел, поразило даже его, привыкшего к боям. Броневые катера в дыму и пене мчались вдоль самого берега, почти царапая бортами о камни, и расстреливали орудийную прислугу из пулеметов. Финны метались, не ослабляя огня.

В семь часов батареи неприятеля наконец замолчали. Финский штаб горел. Миноносцы перенесли огонь на Видлицкий Посад, где медленно подымалась в небо гора бурого дыма.

«Яуза» просемафорила Тренеру приказ немедленно войти в реку. Тренер ворвался в устье на полном ходу, ведя обстрел берегов из орудий и пулеметов.

Оглянувшись, он увидел, что миноносцы прекратили огонь и застопорили машины.

«Ша и ре!» — просигналил ему по-дружески Сарвинг. На языке старых моряков это означало: «Все кончено».

— Брось трепаться, — ответил Тренер.

Сзади подходили транспорты. Началась высадка десанта. Тренер пошел вверх по реке, обстреливая правый берег шрапнелью. Когда он вернулся, высадка кончилась. Огонь стих.

— Неужели ша и ре?

Тренер достал из кармана склянку от рыбьего жира и отхлебнул несколько глотков коньяку. В это время в лесу швейными машинами застрочили пулеметы. Со всех судов тяжелым громом ударил залп. Финны делали последнюю попытку сбить десант в озеро.

С «Ласки», прошедшей у самого борта, Тренеру

крикнули, что сейчас финны откроют пулеметный огонь. Тренер дал залп по опушке, но в ответ пулемет лопнувшим железным тросом хлестнул по палубным надстройкам, выбивая щепки в пыль.

Тренер выхватил руку из кармана. С рукава капала на палубу яркая кровь, но боли он не чувствовал. Второй залп колыхнул воздух. Тренер пошатнулся, сел на кнехт, медленно стал на колени и упал головой на планшир. Мартайнен бежал с бака.

— Санитара! — крикнул он, и глаза его побелели. — Санитара скорей!

Огонь быстро стих.

Тренер, стиснув зубы, ждал, пока неопытный санитар резал тупыми ножницами толстый шинельный рукав.

После перевязки Тренер потерял сознание. Очнулся он, когда вся флотилия вытянулась на рейд и стала на якорь.

«Яуза» и «Сом» грузили трофеи — одиннадцать орудий, две тысячи винтовок, двенадцать пулеметов, множество снарядов, патронов, продовольствие и даже генеральские брюки начальника штаба, бежавшего к финской границе в одном белье. Брюки эти брезгливо принес на

кончике штыка красноармеец с черным чубом и бросил на палубу.

— Ну что? — спросил Тренер Мартайнена.

— Разгром. — Мартайнен впервые за время службы на канонерке улыбнулся. Улыбка у него была ослепительная и открытая. — Руку прострелило? Ничего! Будем плавать вместе.

Тренер еще не знал, что «Музыкант» прославился вторично. В разгар боя Сарвинг перехватил радио на немецком языке из Сердоболя, где стояла финская флотилия. Очевидно, до Сердоболя дошли отголоски боя. Радио опрашивало: «Сообщите, что случилось. Нужна ли помощь?» Сарвинг ответил: «Все благополучно. В помощи не нуждаемся». Финская флотилия продолжала мирно качаться на сердобольском рейде и не выслала в район Видлицы даже разведки.

Весь день Тренер пролежал в каюте. За иллюминаторами душным паром лежал туман. В пелене тумана грозно и нежно пропели сирены миноносцев, прощавшихся с флотилией. Миноносцы уходили в Петроград.

К вечеру зашлепали колеса, зажурчала вода, залязгали рулевые цепи, — флотилия снялась обратно в Свирицу.

Мартайнен принес Тренеру чашку настоящего

черного кофе. Впервые он долго и внимательно расспрашивал Тренера о ледниковом периоде. Тренер оживился, даже боль в простреленной руке стала меньше.

— Меня занимает, — Тренер смущенно улыбнулся, — одна мысль. Когда кончится война, я попытаюсь изложить ее на бумаге. Я хочу написать книгу. Мне кажется я найду способ предотвратить новое нашествие льдов.

Мартайнен встал. Пора было уходить и дать раненому отдых, — начинался бред. Комиссар внезапно подумал, что на койке лежит не капитан сорока лет, а мальчик, взволнованный чтением Жюля Верна.

Никогда в жизни — ни в Финляндии, где Мартайнен работал на верфи в Ганге, ни в Кронштадте на флоте — он не встречал таких странных и привлекательных людей.

В своей каюте Мартайнен долго стоял, широко расставив ноги. Потом он открыл сундучок, достал растрепанную книгу «История кораблекрушений» и пошел к Тренеру. Раненый спал. Мартайнен положил книгу на стол — пусть почитает завтра.

В коридоре Мартайнен встретил вахтенного, свирепо посмотрел на него и сделал замечание за

плохо вымытую палубу. Этим он как бы расквитался с собой за несвойственную ему мягкость и, успокоившись, ушел спать.

Утром пришло радио, что после видлицкой операции белый фронт дрогнул и финны бегут к границе.

Флотилия возвращалась по Свири в Онежское озеро. Река несла пену, отражения неба, облаков, березовых рощ, свисавших над берегами. Суда флотилии кроили серыми бортами на части волнующийся весенний мир, стремительно плывший по реке. Он разлетался на тысячи осколков на каменных порогах, но быстро возникал вновь.

На палубе пели. Тренеру доставляло удовольствие думать, что канонерка идет в солнечные страны и матросы хохочут, не в силах сдержать избыток веселья.

— Победа, — прошептал он и уснул.

Напрасно искать описание этого случая в истории войны, изданной американским военным министерством.

Сто тринадцатый американский полк, пришедший воевать против «красных боло» — большевиков, расквартировали в Медвежьей Горе и по бревенчатым блокгаузам вдоль Мурманской

дороги.

Лейтенант Шервуд был офицером этого полка, состоявшего из румяных и сытых солдат.

В блокгаузах пахло инжирными конфетами и трубочным табаком «вирджнния». Солдаты брились каждый день. Консервные банки радовали глаз пестротой этикеток.

Офицеры носили в карманах безделушки — то плюшевых зайчат, то брелоки из неаполитанских камней — в качестве талисманов от бед. Патефоны наигрывали веселые военные песенки.

— Война — это охота, — говаривал лейтенант Шервуд.

В широком свитере и с трубкой в крепких зубах он был похож на городского охотника, приехавшего в леса с веселой компанией друзей бить волков и ставить западни на лисиц.

Шервуд был игроком. За картами его лицо чернело. Он обыгрывал всех и деньги прятал небрежно и безжалостно. Он обладал всеми качествами игрока: сухим равнодушием, истерической раздражительностью и глубоким убеждением, что окружающие созданы только для того, чтобы ему, Шервуду, было легче и приятнее жить.

До войны с «красными боло» Шервуд никогда

не знал страха. Первый страх он испытал в селе Толвуе. Он старался о нем не вспоминать.

В Толвуе Шервуд со своим отрядом устраивал восстание против большевиков.

Может быть, если бы к Толвую подошел крейсер, чистый и сверкающий, Шервуд не испугался бы. Может быть, он даже вступил бы в бой с десантом — румяными матросами, одетыми в удобную и дорогую форму. То была бы лихая стычка с товарищами по оружию, отличавшимися от Шервуда тем, что они люди другой национальности.

Но вместо крейсера Шервуд увидел грязный и низкий пароход, который топили дровами. Вместо новеньких орудий облезлую пушку, бившую растрепанно и часто. Вместо чистых матросов на берег выбегали оборванные люди, и, наконец, вместо блестящего офицера он заметил грузного женоподобного мужчину в шинели, похожей на больничный халат.

Шервуд понял, что это — смерть и ни о какой веселой перестрелке не может быть и речи. Перед ним были не товарищи но оружию, а враги. В их глазах Шервуд прочел свои приговор.

Нервы игрока не выдержали. Шервуд бежал, не сделав ни одного выстрела.

В Медвежьей Горе он сочинил рапорт, где

бегство было заключено в такое количество шаблонных военных выражений, что теряло характер бегства и становилось «совершенно необходимым отступлением под натиском превосходящих сил противника».

Военный пыл сто тринадцатого полка быстро выветривался. Наступление на Петрозаводск шло медленно. От наседавших американцев яростно отбивался единственный батальон, прозванный американцами «батальоном помешанных».

— Взбешенная кошка может испугать даже льва, — говорил по этому поводу помощник Шервуда Тоуз.

Шервуд начал замечать, что солдаты — с ними в прежнее время было так приятно шутить — начали больше помалкивать. Они шептались по блокгаузам и внимательно рассматривали офицеров, будто видели их в первый раз.

Чутьем игрока Шервуд догадался, что солдаты прикупили хорошую карту, но никак не мог решить — какую. Все дело в том, когда они с нее пойдут и чья комбинация будет сильнее.

Ясно, что игру со стороны солдат будет вести сержант Кейри. Это успокаивало Шервуда. Что может выкинуть этот бывший садовник?

Прежняя профессия Кейри, подстригавше-

го деревья в садах Калифорнии, должна была выработать в нем качества, свойственные садовникам: доброту и склонность к размышлениям, особенно по утрам, когда сады пахнут воском и цветами померанца.

Шервуд рассказал о своих опасения Тоузу.

Тоуз начал философствовать — это было его единственным недостатком.

— Божья коровка, — сказал он, радуясь собственной находчивости, — всегда ползет по пальцам вверх. Кейри божья коровка. Имея дело с ним, никогда не опускайте руку, а держите ее пальцами вверх. Показывайте на небо, и Кейри невольно поползет к небесам.

— Бред, — пробормотал Шервуд. — Говорите серьезнее.

— Необходимо поддерживать возвышенный образ мыслей этого солдата. Надлежит делать вид, что мы вегетарьянцы и убивать «красных боло» нам так же неприятно, как собственноручно резать петухов. Станьте его единомышленником, обезоружьте его этим. Ругайте командира полка. Пойте почаще «Звезду отчизны». Тоскуйте по родине. Это верный путь избавить себя от неприятностей.

Шервуд послал Тоуза ко всем чертям и решил

развлекаться. Их рота стояла в тылу около Диановой горы. Стычек с «боло» не случалось, это очень успокаивало солдат. Тоуз предложил устроить пикник на ближайшем озере.

День пикника напомнил Шервуду калифорнийское лето. Солнечный свет заливал траву, где трещали кузнечики. Казалось, в озеро с большой высоты сыплется бисер.

От рома голова гудела перетянутой гитарной струной. Патефон насвистывал лихую военную песенку.

Милей солдата
На свете нет.
Об этом знает
Красотка Кэт!

Тоуз, как всегда в таких случаях, говорил о величии солдатской жизни. Речь его звучала неподдельным пафосом.

— Что такое солдат? — кричал он отрывисто и чокался с русской женщиной, приглашенной на пикник из Медвежьей Горы. — Солдат — это человек, знающий цвет воды всех океанов и цвет небес всех материков. Вот что такое солдат! Полки идут всюду — и по снегам России и по земле Палестины. Чужой ветер шумит в наших

знаменах. Ваше здоровье, но, поверьте, я не пьян! Слава горит над нами, как солнце, — слава побед и прелесть опасности. На своих штыках мы носим цветы родных полей. Мы посылаем мысленные поцелуи девушкам, оставленным за океаном. Жизнь солдата прекрасна. Жизнь солдата гремит, как марш. Но, к сожалению, слишком часто она бывает так же коротка, так же коротка.

Тоуз впал в грустное состояние и предложил русской покататься на лодке.

Шервуд незаметно привязал к лодке тонкий канат и, когда она отошла на несколько шагов от берега, стремительно потянул ее обратно. Тоуз греб, брызгал веслами и ругался.

Шервуд отпустил лодку, но снова потянул ее с той же силой. Лодка врезалась в берег. Женщина упала. Ее легкое шелковое платье промокло. Она принужденно улыбалась. Шервуд хохотал.

В эту минуту появился Кейри. Он двигался по лесной тропинке и был виден издалека. Он держал винтовку наперевес. Перед ним шел высокий худой человек с завязанными руками. Порванный клеш бил его по ногам.

Наступила неприятная тишина.

Шервуд опрокинул в горло алюминиевый стаканчик рома, нащупал в кармане револьвер и

встал. Тоуз и женщина подошли сзади.

— Пленный, — сказал Кейри, стукнул прикладом о землю и замер.

— Матрос? — спросил Шервуд пленного на ломаном русском языке.

Пленный молчал.

— Из какой части?

Пленный молчал.

— Если вы не перестанете молчать, я буду вынужден поступить с вами, как со шпионом.

Пленный молчал.

— Сын вора, — сказал Шервуд тихо, — если вы назовете свою часть и количество штыков, я отпущу вас обратно. Ваше присутствие в банде «боло» их не спасет.

Шервуд подождал, но пленный ничего не ответил.

— Комиссар? — догадался Шервуд и взглянул в лицо пленного.

Пленный смотрел на Шервуда пристально и спокойно. Шервуд отступил. Пленный сделал шаг вперед, не спуская с Шервуда глаз. Кейри стукнул прикладом и тоже сделал шаг вперед.

— Мне эта комедия не нравится! — крикнул Шервуд, чувствуя прилив истерического раздражения. — Заговоришь ты пли нет, собачье мясо?

Пленный продолжал рассматривать Шервуда.

— Что он, немой? — спросил Шервуд Кейри.

— Нет, сэр, он разговаривал и даже смеялся.

Глаза Шервуда побагровели. В голове гудела готовая лопнуть струна.

— Говори! — Он плеснул на пленного остатками рома из стакана. Стакан во время допроса Шервуд держал в руке.

Пленный сделал шаг вперед и плюнул Шервуду в лицо. Женщина вскрикнула. Кейри все еще стоял навытяжку.

— А-а-а! — Шервуд отскочил к сосне. Тоуз знал, что сейчас начнется припадок. — Сержант, не тратить на него больше одного патрона. Сколько у вас патронов в винтовке? Пять? Через полчаса Тоуз проверит вашу винтовку. В ней должно остаться четыре патрона, или вы будете болтаться на первом семафоре.

— Слушаюсь, — глухо ответил Кейри, тронул пленного за рукав и пошел с ним в глубь леса.

«Об этом знает красотка Кэт», — свистел равнодушный ко всему патефон.

Пикник был сорван. Тоуз и русская женщина вернулись в поселок. Шервуд остался. У него разболелась голова. Ему хотелось отдышаться.

Через полчаса сержант Кейри явился к Тоузу

и молча подал винтовку. Тоуз лениво проверил патроны. Их было четыре.

Через два часа на берегу озера обнаружили труп лейтенанта Шервуда. Выстрел был произведен в голову.

В тот вечер в солдатских бараках было шумно и неспокойно. Тоуз слышал, как солдаты пели свою любимую песенку:

Взойди скорей, звезда моей отчизны,

Далекий край измучил сердце мне.

Что делать, брат? Беду солдатской жизни

Не утопить в вине.

Через неделю солдаты сто тринадцатого полка отказались сражаться и потребовали немедленной отправки на родину.

Полк стянули к океану и посадили на транспорт.

Через шесть месяцев сержант сто тринадцатого полка Джон Кейри был приговорен к смертной казни за убийство лейтенанта того же полка Гордона Томаса Шервуда.

На суде Кейри показал следующее:

— Лейтенанта Гордона Шервуда убил я, и убил потому, что он был негодяй.

Весной тысяча девятьсот девятнадцатого года меня послали с ним в село Толвуй, на берегу Онежского озера, с целью поднять восстание против большевиков.

Мы пробыли в Толвуе три дня. На четвертый день к берегу подошла канонерская лодка большевиков, открыла огонь и высадила десант. Он состоял, как потом выяснилось, из полковых музыкантов, едва умевших владеть винтовками. Мы бежали, не истратив ни одного патрона.

На улице в очень узком место лейтенант Шервуд столкнулся с женщиной. Она вела за руку девочку лет трех. Я бежал сзади и все видел. Лейтенант Шервуд находился в том состоянии страха, когда кажется, что каждая секунда дорога для спасения собственной жизни. Он предполагал, что женщина с ребенком задержит его бегство. Не останавливаясь, он выхватил ручную гранату, сбил кольцо и швырнул ее в женщину. Взрывом была убита девочка…

Уже тогда у меня появилась мысль убить этого офицера.

Мы вернулись в Медвежью Гору. Здесь я встретил большевиков, пробравшихся в наш тыл.

Я думал, что мы были глупо обмануты. Я увидел в тысячу раз более близких мне по крови и духу,

чем офицеры американских полков.

Председатель суда предупредил, что это замечание усугубляет вину и усиливает наказание.

— Больше, чем казнить меня, вы со мной ничего не можете сделать.

— Продолжайте, — поморщился председатель.

— Во время стоянки нашей части в резерве около Медвежьей Горы патруль из трех солдат задержал в лесу матроса-большевика. Я доставил его к лейтенанту Шервуду. Лейтенант пьянствовал на берегу озера со своим помощником Тоузом и неизвестной мне русской женщиной. Пленный отказался дать показания. Лейтенант пришел в ярость и плеснул в него остатками рома из своего стакана. За это он заслужил от пленного плевок в лицо.

Кейри остановился.

— Лейтенант приказал мне расстрелять пленного. Я отвел его за четверть мили и отпустил, дав ему на дорогу табаку и спичек. Потом я вернулся к лейтенанту. «Негодяй убит?» — спросил он меня. «Так точно!» — ответил я и выстрелил ему в лицо. Я сделал то, что нахожу нужным. Все дальнейшее хорошо известно.

— Вы большевик? — спросил председатель.

— Кончайте, — ответил Кейри.

В зале суда наступила тишина.

Из комнаты конвоя долетало заглушённое пение:

Взойди скорей, звезда моей отчизны,

Далекий край измучил сердце мне.

Что делать, брат? Беду солдатской жизни

Не утопить в вине.

Председатель послал секретаря прекратить пение.

В августе канонерка «Музыкант», получив приказ произвести разведку, подошла к восточному берегу озера, к селу Песчаный Погост.

Ранняя осень уже засыпала лесные дороги мокрыми листьями. Ветер сносил их в кучи около ветхой ограды Песчаного монастыря.

Боцман с «Музыканта» Миронов пошел на берег. Долго бродил около монастырских стен, искал грибы, зашел к монахам, побеседовал, посмеиваясь, о кончине мира, а вечером доложил Сарвингу, что одного из монахов нужно немедленно арестовать.

— Почему?

— Коротковолосый, — ответил Миронов. — На пальце у него след от кольца. Монахи колец не

носят.

Сарвинг согласился.

Вечером Миронов взял двух матросов и пошел в монастырь. Почти задевая за лицо крыльями, летали вокруг летучие мыши. Над пустошами, заросшими низким лесом и желтой травой, над порубками и болотами подымалась заржавленная луна.

— Вот, — сказал Миронов, поглядев на луну. — Был я в Америки. Там в ресторанах бьют в такие медные гонги, созывают господ в дининг-рум обедать.

Миронов до революции был матросом торгового флота Он плавал на французских пароходах между Шербургом и Рио-де-Жанейро. Бразилию он не любил.

На жадные расспросы товарищей об этой фантастаческой стране он отвечал односложно:

— Жарко очень. Нет моготы, как жарко. Никакой бани не нужно. Пот с тебя вытекает, как сало с жареного поросенка. Народ мелкий и нервный. Ходят, вертятся, чирикают, как воробьи, — нету силы в народе.

Миронов говорил с натугой, заикался, краснел.

Разговор для него был каторжной работой. Он предпочел бы перекрасить своими руками всю

канонерку от киля до клотика, чем отвечать на приставания матросов.

Миронова тотчас же прозвали «оратором». Когда заходил разговор о выступлении где-нибудь на сельском сходе, шутники кричали, прячась за спинами надежных соседей:

— Даешь Миронова! У него язык работает механически!

Миронов выискивал обидчика глазами, потом говорил в пространство:

— Гляди, как кокну, мокро станет!

Монастырские ворота были заперты. Миронов постучал рукояткой маузера. Монах с гнилым запахом изо рта приоткрыл калитку.

— Ты бы, батя, водку пил, нутро у тебя от святости гниет, — сказал Миронов, протискиваясь в калитку.

Монах поклонился в пояс.

— Веди к настоятелю.

— Они богу молятся, — просипел монах и мигнул облезлыми глазками. — Нельзя их нынче тревожить.

— Говорю, веди!

Монах шустро побежал по поросшему бурьяном двору.

В покоях настоятеля бегали по степам худые

тараканы. Мутно светили лампадки, и только луна за пыльным окном сияла круглой золотой иконой.

Настоятель вышел молча. Он сжимал сухими руками железный крест на груди и тонко посапывал носом.

— Где ваш святой странник, папаша? — спросил Миронов. — Подайте его на бочку.

— Пошто он вам нужен, матросики? — спросил настоятель басом. — Пошто нарушаете иноческий покой? Неужто нельзя призывать господа среди ваших братоубийственных дел? Игрушку спрячь, — настоятель кивнул на револьвер. — Бог жизнь дал, бог и приберет в положенное время.

— Не бузи, патриарх! — Миронов начинал сердиться — Мы заместо бога приберем кого полагается.

Настоятель воздел руки к небу и затряс головой. Миронов оттолкнул его и вошел в заднюю комнату. С лавки встал худой человек в старой рясе.

— Их высокородие командир канонерской лодки капитан Ерченко, — сказал Миронов, — просят ваше благородие пожаловать к нам на корабль на чашку чаю.

— Веди, — сказал странник и твердым военным шагом пошел к двери. Лицо его было спокойно

и устало. — Веди, — повторил он. — Все равно, такое уж твое счастье.

На канонерке странника обыскали. Под рясой и вонючим тряпьем нашли пакет с английскими донесениями, напечатанными на папиросной бумаге. Донесения на имя великобританского поверенного в Вологде были подписаны генералом Уолшем и, судя по содержанию, переправлялись из Мурманска.

На груди у странника обнаружили шрам от пулевой раны. Но особенно удивило матросов то обстоятельство, что подмышки у странника были чисто выбриты.

— На какого дьявола это нужно? — спросил Миронов.

— От вшей, — спокойно ответил странник. — Опасности меньше. Когда же твой командир меня допросит?

— Дай срок. Управится, тогда и допросит.

— А к стенке когда?

— А за стенку ты не журись. Стенка никого не минует. Может, заместо стенки ты у нас будешь коком — свиней палить. Останешься на сверхсрочную службу. Всякое случается, господин офицер.

Сарвинг перевел донесения и приказал приве-

сти арестованного.

— Садитесь, поручик. — Сарвинг говорил очень медленно и на его обрюзгшем лице, вопреки обыкновению, не было даже тени улыбки.

— Я не поручик, а подполковник. Но сейчас это не важно.

Сарвинг усмехнулся.

— Сейчас важно лишь то, чти вы обыкновенный шпион, — промолвил он, перебирая бумаги, — но не будем вспоминать о неприятных вещах. Поговорим на более интересные темы. Например, не встречали ли вы в Мурманске англичанина со шрамами на лице? Та шрамы остаются обмороженных местах. Чего вы хотите, пятьдесят градусов ниже нуля это вам не жук потрогал лапкой. В бураны и при плохой пище все кончается гангреной и смертью. Так вот, не случалось ли вам беседовать с человеком, покрытым такими шрамами?

Офицер помолчал.

— Да. Такого я, кажется, видел, но не говорил с ним. Я не знаю английского языка.

— Значит, вы не знаете и содержания этих документов? — Сарвинг положил руку на листок папиросной бумаги.

— Нет.

— Вы плохой шпион. — Сарвинг поднял на офицера глаза, во взгляде его была брезгливость и усталость. — Вы не интересуетесь людьми. Вы не интересуетесь даже секретными пакетами, из-за которых рискуете жизнью. поэтому-то вы так легко и попались.

— Не потому. — ответил офицер, скручивая толстую папиросу из махорки. — Я прошел пешком от Повенца до Песчаного Погоста. Я устал. Мне все надоело. Один конец.

— Раскаяние после ареста не имеет никакой силы.

Офицер молчал.

— Куда вы шли?

— В Вологду.

Сарвинг тихо свистнул — далеконько! Он повертел золотую пуговицу и бумажку с цифрами 13 и 57.

— Это что?

— Пустяки. В Вологде я должен был пришить эту пуговицу к косоворотке, чтобы меня опознали свои.

Сарвинг спрятал пуговицу и записку в карман вытертой до блеска синей куртки.

— Пошлете кого-нибудь в Вологду? — спросил офицер.

— Как придется.

— Мне безразлично. Скоро вы отправите меня в «штаб Духонина»?

Сарвинг побарабанил пальцами по столу. Бледные звезды за окнами казались страшно далекими, будто канонерка стояла среди Тихого океана. За переборкой кто-то сердито сказал:

— Пес вас знает, выбленочный узел завязать не умеете! Бархатные стали, черти!

— Сперва я отправлю вас в штаб флотилии. Если шпион дается в руки живым, то его обыкновенно разменивают. Таков неписаный закон. Но, в общем, в штабе посмотрят.

Два матроса с винтовками отвели арестованного в каюту.

Ночью канонерка снялась и пошла на соединение с флотилией.

Сарвинг сидел в каюте, сдвинув фуражку на затылок, много курил и перечитывал документы, отобранные у офицера. Огня он не зажигал. В окна светила пасмурная северная ночь.

Сарвинг волновался. Он бормотал про себя ругательства, пытался встать, но снова со скрипом садился на койку и подолгу смотрел на белесую карту озера, где берега и глубины проступали тонкими, почти стертыми линиями. Ему нужен был

собеседник, чтобы излить свое волнение. Собеседника не было. Но если бы он и был, то Сарвинг все равно не мог бы высказать ему свои мысли, ибо они касались документов, совершенно секретных. Поэтому Сарвинг беседовал с картой.

— Паршивая получается комбинация, — говорил он, часто задумываясь. — Вот я, Ерченко, штурман дальнего плавания… Плавал я и в Атлантическом океане, и в Тихом, и к берегам не жался, как каботажник. Плевали мы на маяки! Мы маяков по две недели в глаза не видели.

С детства, понимаешь ты, с самого детства я всосал в себя вместе с чаем и табаком уважение к своей профессии. Моряки — это не озерные трепачи. Кто открывал новые земли? Кто описывал берега, изучал течения, погибал у полюсов? Наш брат моряк. Благодаря кому открыта теория Дарвина? Благодаря морякам и кораблю «Бигль». Не будь кораблей и плаваний, Дарвин сидел бы себе библиотекарем в Лондоне и жевал бутерброды с крутыми яйцами. Вся история, прошита как парус прошивается манильским тросом, именами моряков. Колумб, Магеллан, Кук, Лаперуз, Беринг, Нансен да, наконец, этот самый Шекльтон.

Да… Шекльтон… Мужество отчаянное, полярные ночи, вылазки на лыжах к Южному полюсу.

Человек смотрел смерти в лоб, смотрел и смеялся. Газеты писали о величии… Нет, я не сомневаюсь, это было настоящее величие. Еще в морском училище историк Шервинский говорил нам: «Морякам присущи сильные характеры». Так вот этот самый Шекльтон был одним из немногих… Как это сказать? Ну, человек с железными скулами и запасом жизни, которого хватило бы на десять капитанов… И вот — сгнил. Осталась одна мертвая хватка. И все Англия. Лондонские коммерсанты, чертовы старички, чтоб они пропали!

Сарвинг наклонился над столом. Выцветшая ночь разливала по каюте свет, как бледную воду.

Было холодно. Хотелось закутаться с головой в шинель, согреться, уснуть и увидеть во сне родную Одессу, теплую воду в Бакалейной гавани, солнце, мокрые букеты гвоздики, что продают девчонки.

Сарвинг поежился. Если наскочат английские истребители, то так, может быть, и придется умереть, не выспавшись. Он начал медленно читать:

«Уполномоченному правительства его величества.

Вам необходимо знать, что бывший офицер королевского флота Шекльтон, прославленный

своей экспедицией к Южному полюсу, заключил с губернатором Северной области генералом Миллером соглашение о передаче в концессию английскому акционерному обществу под председательством упомянутого Шекльтона всех богатств Кольского полуострова. Общество обладает капиталом в два миллиона фунтов стерлингов. Оно состоит из англичан с наилучшей деловой и финансовой репутацией. Концессия заключается на 99 лет.

Общество Шекльтона получает Мурманский район со всеми минеральными залежами, железнодорожную линию от Мурманска до Сороки, право вывозить лес в неограниченных размерах, строить лесопильные заводы, дороги и порты, ловить рыбу и вообще всячески использовать русский Север в интересах развития великобританского капитала.

Генерал Миллер получает взамен крупный транспорт продовольствия и обмундирования. Будут также доставлены иные предметы, необходимые для успешных действий русской добровольческой армии».

— Иные предметы! — Сарвинг усмехнулся.

«Директор-распорядитель компании Шекльтон прибыл в Мурманск для работы.

Вам необходимо поддерживать среди организации русских офицеров уверенность (основанную на подлинном положении дела), что работа английских промышленников на севере не только облегчит борьбу с большевиками на фронте, но упорядочит тыл добровольческой армии, каковой, как вам должно быть известно, носит черты беспорядка и анархии.

Сообщаю вам для сведения, что флотилия его величества на реке Северной Двине пополнилась броненосной канонерской лодкой речного типа „Умбер“, пришедшей из Бразилии, и тремя номерными мониторами».

Утром канонерка подходила к острову Хед. Шли у самого берега. Солнце переливалось в воде выпуклыми зеркалами. Пахло теплыми листьями ивы.

На баке слышался смех. Боцман Миронов рассказывал матросам, как английская речная канонерка «Умбер» во время плаванья по Амазонке запуталась в водяных лилиях и потеряла винт.

За островом открылась флотилия. Со сторожевого катера заиграли на гребешках неистовый марш — обычное приветствие «Музыканту». Миронов погрозил насмешникам кулаком и обозвал

их «халамидниками».

Сарвинг просемафорил флагманскому кораблю: «Имею на борту пленного белого белого офицера с секретными документами».

От флагманского корабля отвалила шлюпка. Вода разлеталась с весел гребцов тяжелыми каплями ртути. Оловянные лососи выскакивали из воды, окруженные брызгами и бледными радугами от солнца.

До осени Тренер пролежал в петрозаводском лазарете. Рука долго не заживала. Началось глубокое нагноение — в рану попал кусок шинельного сукна.

В начале августа рука прошла. Тренер собирался выписаться, но заболел сыпным тифом.

Вместе с Тренером лежал сигнальщик с «Музыканта», Федор Гущин, раненный в ногу.

Судьба как бы нарочно сталкивала Тренера с Гущиным. Оба были ранены в одном бою под Видлицей, в один и тот же день заболели сыпняком и вместе вышли из из лазарета.

Гущин был низкорослый матрос с прищуренными глазами. В лазарете он зачитывал до дыр пухлый томик Пушкина.

Каждый раз, откладывая книгу, Гущин говорил:

— Окончательно хорошо!

— Чем тебе Пушкин нравится, Федя? — спрашивал Тренер.

— Душа от него горит, Эдуард Петрович.

Душа у Гущина горела не только от Пушкина. Она горела и от воспоминаний, и от жгучей боли. Гущин не мог забыть буйные митинги на Якорной площади в Кронштадте, дождливую ночь, когда он стоял в карауле у Смольного, и гром башенных орудий «Авроры», стрелявшей по Зимнему дворцу.

Пламя костров и огни выстрелов в тумане — такими запомнились ему первые дни Октября. От них тянуло свежестью балтийских волн. Со щек не сходил кирпичный румянец. Бушлат был всегда нараспашку. Сердце холодело от волнения, — казалось, прямо в сердце дул ветер революции.

От боли душа начала гореть недавно. Гущин шептал в потолок: «Окончательные гады», — и отворачивался от Тренера к стене.

Он скрывал от капитана страшную новость: канонерка «Номер два» и сторожевое судно «Баян» выбросились на камни около Толвуя после боя с английскими истребителями и гидропланами.

В первых числах августа истребители наско-

чили на канонерку «Баяна», стоявших в дозоре у острова Сал. Истребители носились с неимоверной скоростью. Они развивали шестьдесят узлов в час, а наши канонерки едва натягивали четырнадцать узлов.

Истребители вертелись угрями, вспарывали воду и, пользуясь преимуществом хода, спасались от выстрелов. Гидро засыпали наши суда бомбами, снижаясь к самой воде.

Когда орудия на канонерке и «Баяне» раскалились и отказались стрелять, оба корабля, полузатопленные и окутанные паром, выбросились на камни. Команда спаслась вплавь. Гидро расстреливали плывущих из пулеметов.

Канонерка «Номер шесть» до последней минуты отражала набеги истребителей, прикрывая собой израненные суда. Расстреляв все снаряды, она ушла на юг, отбиваясь из винтовок от англичан, наседавших, как стая гончих.

Гущин боялся рассказать об этом Тренеру: капитан был еще слаб.

— Труба! — бормотал Гущин. — Ну, ничего, посчитаемся.

Посчитаться пришлось только поздней осенью, когда Тренер и Гущин вернулись во флотилию.

В первых числах октября флотилия вышла в

Толвуй.

Около Толвуя, на острове Мэг белые поставили сильные судовые орудия. Остров запирал вход в Повенецкий залив.

Был получен приказ уничтожить батареи противника на острове Мэг, уничтожить белую флотилию, и высадить десант в тылу у белых, в Медвежьей Горе.

Хмурая осень моросила над озером. Лесные гари затянули берега серой дымкой.

В Толвуе Тренер пошел с Гущиным к Кузьминишне в «Кафе Колдунчик». Старуха узнала капитана, обрадовалась и снова накормила его простоквашей. Учительницы Тренер не застал. Она уехала в Петрозаводск, и Кузьминишна даже не знала ее адреса.

От Кузьминишны пошли побродить в лес. Приближался вечер. В тумане падали желтые листья.

Гущин сорвал ветку мокрой калины и сказал задумчиво:

— «Люблю я пышное природы увяданье».

После лазарета он часто вспоминал кстати и некстати пушкинские стихи.

— Здесь я ее нашел, учительницу, — он показал Тренеру на тропинку. — Сердце горит, как

вспомню.

На канонерку они вернулись в темноте. Звезды отражались в озере, как в матовом стекле. Леса опадали. В ушах Тренера стоял еще шорох сухой листвы, свист последних птиц. Не верилось, что рядом рыщут истребители белых и что вот в этом переулке лейтенант Шервуд бросил ручную гранату в трехлетнюю девочку.

Гущина радовало, что завтра бой и он наверняка примет сигнал командующего лечь на створ острова Мэг и открыть огонь залпами. Опять матросы зовут его «Копченым глазом», как принято дразнить сигнальщиков. Но даже это радовало Гущина.

Тренер натянул сырую шинель. Его знобило. Сквозь изморось с трудом просачивалось слякотное утро. На востоке лежала розовая грязная муть. Она предвещала ненастье.

Гущин не ошибся — с флагманского корабля просемафорили приказ лечь на створ острова Мэг.

К десяти часам утра открылся низкий остров. Розовый свет на горизонте потух. Навстречу кораблям бежали бесконечные волны. Начало качать.

Кабельтовы уменьшались, но остров молчал.

На сигнальной мачте был виден в бинокль трехцветный флаг.

На судах заиграли боевую тревогу.

Остров полыхнул шестью желтыми огнями. Угрюмый гром потряс воздух. Дождь пошел гуще.

Флотилия открыла ответный частый огонь. Суда маневрировали, ложась на разные курсы.

— «Дым багровый клубами всходит к небесам», — громко сказал Гущин. — Садят из шести орудий. Красота! Однако спасения им не будет.

Все было непривлекательно: и небо, и озеро, и пасмурные дали, и низкий остров. Только желтые вспышки орудий разрывали замешанный на пепле дым. Вспышки эти казались Тренеру праздничными хлопушками.

Внезапно Тренер ощутил прилив мальчишеской радости. Непонятная уверенность, что и его, и Мартайнена, и всю флотилию ожидает необыкновенное счастье, заставила его рассмеяться. Такое чувство он изредка испытывал в жизни. Оно никогда не обманывало. Гущин с удивлением взглянул на смеющегося командира: боевой парень, даром что сказочник и чудак!

Тренер повернул канонерку бортом и дал залп по острову, дымившемуся от разрывов и дождя.

Неожиданно спустился туман. Огни выстрелов на острове едва пробивали его пелену. Тренер с раздражением взглянул на часы, — всего восемь часов утра, но впечатление такое, что на озеро опускается ночь. Бой быстро затихал. Остров растаял в тумане. Дождь монотонно гудел по палубам кораблей. Подойти ближе к острову было невозможно: белые поставили под берегом мины.

С флагманского судна передали приказ прекратить огонь и стягиваться к Кузаранде. Надо было экономить снаряды и пополнить запас дров.

— Ну и паршивые места! — рассердился Тренер.

На следующее утро флотилия снова подошла к острову и открыла жестокий и частый огонь.

Сперва остров отвечал из всех орудий, потом начал отвечать все реже, как огрызающийся зверь. На острове возник пожар.

Внезапно Тренер выругался и засвистел, что во время боя считается верхом бестактности. Но событие действительно было необычайное: снаряды белых ложились перед самым островом — там, где никаких судов не было. Белые били в чистую воду.

— Они ошалели! — крикнул Гущин.

Старший артиллерист пожал плечами.

— Забавно, — промолвил Мартайнен и показал глазами на всплески снарядов, подымавшиеся далеко позади флотилии.

Белые стреляли суетливо и неумело.

— Что происходит? Что за кабак! Какие немыслимые дистанции.

— Или повальное сумасшествие, — предположил артиллерист, — или испортились дальномеры.

Можно было подумать, что орудия на острове попали в руки детей и они забавляются, расстреливая прибрежные скалы. Одна скала взлетела на воздух каменным дождем.

Тренер укоризненно покачал головой. Суда флотилии постепенно прекратили огонь.

С флагманского корабля затрещало радио. Командующий предлагал острову сдаться во избежание лишнего кровопролития.

Через минуту на уцелевшей сигнальной мачте на острове поднялся красный флаг. «Ура» прокатилось над судами флотилии и далеким громом отозвалось на лесистых берегах. Вздрогнула вода.

Флагманский корабль принял с острова радио: «Не стреляйте». Остров Мэг сдался.

Командующий приказал гарнизону прислать делегацию с замками от орудий. Остров не ответил. Он сдался, но поведение гарнизона казалось подозрительным, хотя орудия на острове молчали.

Ждали весь день. Лишь к вечеру от острова отвалила шлюпка. На судах флотилии наступила глубокая тишина, будто все затаили дыхание, надеясь услышать разговор делегатов с командующим.

Делегаты поднялись на палубу флагманского корабля. Впереди шел молоденький офицер без оружия и со споротыми погонами. Он отдал командующему честь.

— Гарнизон острова деморализован, — сказал он высоким вздрагивающим голосом. — Часть людей вместе с офицерами бежала на берег, часть перепилась. Остальные сдаются.

— Почему вы не ответили на радио о присылке делегации?

— Вашим последним снарядом разбило радиостанцию. Мы доставили пулеметы и шифры.

Офицер покраснел.

— Иностранцы ушли. Мы остались одни, и потом… это было безнадежное дело.

Командующий улыбнулся. Он вспомнил утрен-

нюю сумасбродную стрельбу.

— Почему вы вели такой странный, чтобы не сказать больше, огонь?

— Орудийная прислуга была пьяна.

Матросы стояли поодаль. Офицер оглянулся, побледнел и сделал шаг назад. Он ждал, что по бокам вырастут конвойные с примкнутыми штыками, но командующий приказал отвести делегатов в кают-компанию и напоить чаем.

— Я очень прошу, — сказал офицер более твердым голосом, — по возможности не расстреливать нас, а использовать в качестве бойцов. Иностранцы третируют нас, офицеров и солдат Северной добровольческой армии, как собак. Даже наши союзники плюют нам в лицо, втайне считая нас изменниками родине. Это невыносимо. Лейтенант Смолл устраивает массовые порки крестьян. Адмирал Кетлинский убит в Мурманске за то, что противился интервенции. В тылу разбой, пьянство и хабаричество.

— По возможности мы вас не расстреляем. — Командующий снова улыбнулся своим мыслям. — Вы бывший студент, должно быть?

— Так точно.

В кают-компании офицер жадно пил чай, и на глазах его блестели слезы. Он был еще очень

молод. Слезы он глотал вместе с жидким чаем и сухарями.

— Совсем птенец, — сказал командующий комиссару флотилии. — Трудно такому без мамы, ой, трудно!

Делегаты сообщили, что вокруг острова стоит пояс мин.

Всю ночь к Мэгу подходили шлюпки флотилии. К утру на остров был высажен отряд моряков. Он захватил восемь орудия и богатые запасы обмундирования и продовольствия.

Около судов флотилии плавали вспоротые консервные банки от английского корнбифа и французской соленины.

Потеплело.

Половина неба затянулась красным дымом — за облаками заходило солнце.

Тренер втянул воздух всей грудью. Он проглотил одним залпом десятки свежих запахов: онежской воды, рыбы, осени, смолистых палуб, березового дыма из корабельных труб.

Вторую победу он ощутил как отдых.

Обстоятельства смерти сигнальщика Гущина давались из уст в уста и ко времени прихода флотилии из-под Медвежьей Горы в Петрозаводск приобрели характер легенды. На самом же деле

смерть эта была для гражданской войны вполне обыкновенна.

Официальный рапорт сообщает следующее:

«В ночь на 5 ноября флотилия вышла из Толвух к Медвежьей Горе для высадки десанта в тылу у белых.

Вблизи Аженского маяка к кораблям флотилии присоединились транспорты с отрядом красноармейцев. Несмотря на сильный мороз, половина бойцов не имела шинелей.

В полной темноте, с потушенными огнями флотилия продвигалась малым ходом вдоль самого берега, дабы не наскочить на мины, расставленные белыми в некотором отдалении от береговой полосы.

Не замеченная неприятелем, флотилия достигла мыса Крестовый Наволок и приступила к высадке десанта. Пошел мокрый и настолько густой снег, что с мостика не было видно собственного форштевня. Десант свозили на шлюпках в темноте и пурге.

При подходе транспорта к берегу шлюпки были обнаружены неприятельским дозором. Сделав несколько ружейных залпов, дозор отошел.

Спустя недолгое время флотилия белых открыла ураганный орудийный огонь из Пергубы,

находящейся в миле Крестового Наволока. Попаданий не было. Белые либо совсем не знали местонахождения нашей флотилии, либо в темноте не могли ориентироваться, так как своим молчанием мы не давали противнику возможности определить наше местоположение.

После получасовой стрельбы в расположении белой флотилии произошло несколько сильных взрывов.

К рассвету высадка десанта окончилась. Десант перерезал шоссейную дорогу Медвежья Гора — Любские Пески и захватил обоз белых.

Утром мороз усилился, и ветер развел большую волну. Флотилия начала обстрел Медвежьей Горы. На наш огонь отвечал только бронепоезд противника.

Днем обстрел Медвежьей Горы возобновился и вызвал в поселке большой пожар.

К вечеру от командира десантного отряда была получена записка. Он сообщал, что белые получили сильное подкрепление, наступают с двух сторон, и пока не поздно — надо дать суда для приема десанта обратно. Десант был взят на заградители, и флотилия отошла к югу.

Десант не мог развить наступления ввиду пурги, а также голода и крайнего утомления бойцов

предыдущими беспрерывными боями.

Во время десантной операции погибло 16 бойцов, в том числе сигнальщик Онежской флотилии Федор Гущин, добровольно вступивший в ряды десантного отряда».

Из рапорта никак нельзя сделать вывод, что десантная операция под Медвежьей Горой нанесла тяжелый удар белым.

В рапорте нет ни слова о ночной панике в Пергубе, как нет и подробностей смерти сигнальщика Гущина.

В рапорте сказано, что дозор белых, сделав несколько ружейных залпов по транспортам, быстро отошел. Дозор сообщил в Пергубу на суда белой флотилии, что к мысу Крестовый Наволок подошло с юга много пароходов. Ночь и буран преувеличили их размеры. По словам дозорных, пароходы были полны людей и на палубах ржали лошади, — очевидно, в тылу белых высаживалась кавалерийская часть.

Белая флотилия, стоявшая на якорях, открыла ураганный огонь. Били вслепую, в ночь, ожидая, когда ответят красные, чтобы по вспышкам выстрелов определить место десанта. Но красные упорно молчали.

Мокрый снег лепил комьями в лица наводчи-

ков. Страшная ночь душила со всех сторон, как петля.

Командующий белой флотилией страдал астмой. Он стоял на мостике, задыхался от раздражения, стучал кулаком по поручням и вскрикивал:

— Отвечайте же, черт вас дери! Отвечайте!

Временами командующему казалось, что дозор напутал, никаких большевиков нет и белая флотилия стреляет по пустому месту. Но тут же всем существом он ощущал крадущийся ход красных канонерок, запиравших его в Пергубе.

— Как они прошли по минам? — спрашивал он помощника. Не дожидаясь ответа, хватал бинокль и дрожащей рукой нащупывал разрывы.

Сначала он ничего не видел, кроме черной непроглядной воды, заливавшей озеро. Потом широкий круг бинокля загорался грязным огнем, взлетали бурные фонтаны, и снова глаза залепляло крепчайшим мраком.

— Противник молчит. Заставьте его отвечать! — кричал он помощнику и судорожно расстегивал шинель. Грудная жаба сосала сердце, то прикусывая его коей крепким ртом, то отпуская. Командующий знал, что это его последняя ночь на земле.

— Может быть, там никого нет?

Помощник пожал плечами.

— Есть. Прислушайтесь.

Командующий перестал ходить по мостику. Со стороны Любских Песков отчетливо гремели орудия. Командующий узнал огонь белого бронепоезда.

Что может быть страшнее врага, который без единого выстрела берет вас в кольцо в такую собачью ночь? По шоссе мчались обозы. Начиналась паника. Суетливые винтовочные выстрелы распарывали темноту. Со стороны железной дороги несся тяжелый и медленный удар.

— Красные обходят! Мост взорвали! — крикнул в темноте надорванный голос.

Бронепоезд замолк. Сухопутная батареи белых стреляла очередями. Вспышки выстрелов освещали черные палубы, заваленные снежной жижей, хмурые берега, серый снег, летевший стремительным туманом над лесами.

Суда белой флотилии стреляли беспорядочно, то затихая, то сразу срываясь и перегоняя друг друга.

— Истерика! — пробормотал помощник командующего и вздрогнул от вопля с бака: «Суда по левому борту! Суда!»

— Дайте ракету, — приказал командующий.

Теперь все было ясно: красные канонерки заперли его в смертельной яме, поймали в западню, в чертов капкан.

Ракета свистнула и загорелась больным синеватым светом.

— Вот оно, вот! — крикнул командующий и показал в сторону озера, где в черной воде и шторме мчался, валясь с борта на борт, залепленный снегом до мачт миноносец с красным флагом на стеньге.

Командующий схватил себя за горло. Колючая боль свела скулы. Казалось, они трещат и лопаются на части. Был ясно слышен гул машин и порывистое хрипение пара, рвущегося из труб миноносца.

— «Уссуриец», — пробормотал командующий. — Откуда? Как он прошел в Онежское из Балтики? Каюк! Взорвать флотилию!

Миноносец налетел белой бурей. Небо дрогнуло. Рев орудий обрушился на мокрые палубы.

Командующий упал. Помощник схватил его за плечи — он был мертв. Ракета погасла.

Помощник сбежал с мостика. С флагманского судна замигал жалкий в ночном шторме световой сигнал: взорвать суда белой флотилии, а командам отступать пешим порядком в Медве-

жью Гору.

Был миноносец или не был — помощник командующего не знал. Он отдал приказ о взрыве флотилии в силу ясного чувства, что все потеряно.

Через десять минут удары взрывов остановили на минуту буран. Снег пошел медленнее.

Об этом случае в приведенном выше рапорте сказано глухо: «После получасовой стрельбы в расположении белой флотилии произошло несколько сильных взрывов».

На рассвете разрозненные отряды белых моряков отходили к Медвежьей Горе. Свинцовый ветер нес колючую крупу. На месте, где недавно стояла флотилия, гуляла ледяная волна.

Отступавшие остановились — тяжелый залп стряхнул снег с сосен. Красная флотилия наконец открыла огонь. Орудия ворчали уверенно и неторопливо. Ночные страхи давно прошли. Стало ясно, что никакого миноносца не было.

Мурманские гимназисты в матросских шинелях, весь странный сброд, составляющий команду белой флотилии, понуро брел вдоль берега на север, где подымался дым громадного пожара. Горела Медвежья Гора.

Федор Гущин погиб на рассвете на второй день

высадки десанта. Он ушел с корабля с отрядом бойцов.

Гушин знал, что поступок его сочтут дезертирством, но ему смертельно надоели неуклюжие пароходы, надоели бои, где не видишь врага, надоело холодное и неспокойное озеро, надоело, наконец, вылавливать мины игрушечными катерными тралами.

Сухопутные стычки казались очень заманчивыми. Там приходилось перебегать, прятаться, хитрить, вообще действовать, тогда как на корабле во время боя стой и жди, влепит или не влепит неприятельская батарея снаряд в твою «консервную коробку».

Весь день Гущин с бойцами отстреливался от наседавших с севера белых. Пальцы сводило от холода. Временами было невозможно спустить курок. Пули мяукали среди сосен и с чавканьем падали в мокрый снег.

Кое-кто из бойцов жевал сухари, но у большинства сухарей не было. Хотелось пить. Гущин стряхивал снег с еловых веток и глотал его. От снега шел слабый запах соленых огурцов.

К вечеру бронепоезд белых вырвался из леса и обстрелял отряд частой картечью. Бойцы падали в снег, дули, ругаясь, на красные пальцы,

с натугой оттягивали затворы. Некоторые так и оставались лежать на снегу, и нельзя было понять, убиты они или уснули от непомерной усталости.

К ночи под прикрытием бронепоезда с юга подошли свежие белые части. Десант зажимали в тиски. Он медленно отходил к озеру.

По пути перешли вброд ледяную бурную реку. Один из бойцов упал в воду и начал биться, как пойманная рыба. Гущин понял, что боец пропал. Подобрать его не успели. Белые поливали реку частым огнем из автоматов.

Стало слышно, как далеко на озере громыхала флотилия, бомбардируя Медвежью Гору.

Неопытный в сухопутных боях. Гущин видел одно: десант сбивают к берегу, железная дорога не тронута, белые с двух сторон. Одним словом — «труба». О панике, вызванной десантом в тылу у белых, Гущин не знал. Он ее попросту не видел. О том, что белым, чтобы сбить десант, пришлось снять части с фронта, он тоже не знал.

К вечеру первого дня Гущин совершил втрое дезертирство. Он скрылся из отряда, захватив четыре ручных гранаты. Ночью он прошел через лес до полотна железной дороги и залег в кустах около деревянного моста.

Он лежал и слушал, толком еще не зная, что будет делать. К полночи он задремал. Приснился ему родной Белозерск, дождь, приходская школа и поп Иосаф, обучавший его грамоте по растрепанному учебнику Ветхого Завета. Поп сидел в классе в глубоких калошах, из-под дверей дуло мокрым холодом.

Гущин проснулся и сплюнул, — приснится же такая мура!

Густо шел снег с дождем. Спокойно погромыхивали рельсы. По звуку Гущин решил, что идет бронепоезд, Он подполз к мосту. Никого вокруг не было. Из лесу осторожно, как бы пятясь, выкатился первый бронированный вагон.

— Эх, чайку бы! — вздохнул Гущин, сбил кольцо с гранаты и швырнул в мост.

Мост осел только после третьего взрыва.

Сбивая кольцо с четвертой гранаты, Гущин замешкался. Граната разорвалась в воздухе. Гущин сел на землю, почувствовал во рту теплую жидкость и глотнул ее. Она была соленая, от нее тошнило.

— Вот так чаек! — пробормотал он растерянно, сплюнул на снег окрошку из зубов с кровью и лег на насыпь.

Поезд набегал с протяжным гулом.

Гущин опять забылся, увидел Тренера, шедшего к нему через лес, крикнул ему: «Душа у меня горит, Эдуард Петрович!» — но Тренер не слышал. Он шел и пел свою любимую песенку:

Кто ты, певунья, я не знаю,
Но звонким песням на реке
Я часто издали внимаю
В своем убогом челноке.

Гущин вздохнул и закрыл глаза.

Бронепоезд с чугунным лязгом и громом валился под откос, разворачивал землю и вздрагивал, как недобитая змея. В синеватом свете зари он был страшен и отвратителен.

Гущин лежал на боку, свернувшись калачиком. Казалось, на насыпи спит мальчик. Вокруг его головы снег превратился в розовую грязную кашу.

— Так и быть, поговорим о героизме, — согласился Сарвинг. — Понятие, конечно, туманное. Например, ваш угреватый артиллерист, когда заело зенитное орудие, грозил английскому летчику кулаком. Героизм это или нет? Летчик капнул на него бомбой и оторвал руку. Ставлю этот вопрос на обсуждение. Вот черт, как скребет!

Флотилия пробивалась через лед к Петрозавод-

ску. Летняя кампания закончилась. На палубах стоял визг от трущихся о льдины железных корпусов. Черный туман, носивший название «соуса», лежал по горизонту.

— Тоже нашли героя, — рассердился Мартайнен. — Если бы ему не оторвало руку, я упек бы его под арест. Он должен был чинить орудие, а не махать кулаками.

— Ну, хорошо! Возьмем другой случай с тем же самым артиллеристом. Под Видлицей он блевал от страха, но во время боя сбил неприятельские батареи. Что вы на это скажете?

— Это героизм, — согласился Мартайнен.

— Героизм, героизм, — насмешливо повторил Тренер. — Величайший героизм не в том, чтобы подставлять лоб под шальную пулю, а в том, чтобы понять величие совершающихся событий и верить в победу. Сигнальчик Гущин жил как горой, но смерть его я не считаю героической, хотя вы на этом и настаиваете. Позвольте, дайте мне кончить. Гущин жил как герой. Почему? Совершенно ясно, потому что за коркой черствого хлеба, за тифом, дырявыми канонерками и вынужденной жестокостью он видел конечную цель. Она была великолепна и, поверьте мне, Гущин ни на минуту в этом не сомневался.

— «Туманно, туманно, как все туманно кругом», — хрипло пропел Сарвинг.

— Для тебя все туманно, толвуйский барабанщик, даже таблица умножения.

— Вы считаете, что Гущин погиб бессмысленно? — спросил Мартайнен.

— Да. В наше время смерть должна быть целесообразной, как и любое человеческое действие. Умирать следует тогда, когда это нужно и когда это дает наибольший, если хотите, деловой эффект. Гущин погиб, как восторженный поэт на баррикаде. Он не имел права бросить корабль.

Мартайнен укоризненно покачал головой.

Тренер вспылил.

— В героизме должны сочетаться ум и верный расчет. Иначе это галиматья. Поняли? Революция не крестовые походы, где рыцари умирали ради того, чтобы поцеловать землю Иерусалима. Красивые жесты сейчас не нужны.

— Ну, если вы считаете взрыв бронепоезда красивым жестом… — пробормотал Сарвинг. — Это уж слишком.

Тренер наговорил сгоряча кучу несуразностей и, хлопнув дверью, вышел на палубу.

Он не умел спорить. В пылу спора он зачастую говорил совсем не то, что думал, потом спохва-

тывался и ругал себя дураком. Так было и сейчас. Смерть Гущина потрясла его. Он прекрасно видел ее величие.

«Что может заставить людей с легким сердцем бросаться в бой?» — спрашивал он себя.

Очень многое. Начиная от идей, потрясающих человека до последнего нервного волокна, и кончая вот такой смертью, какой умер Гущин.

Тренер прошел на бак. Холодный туман наплывал густыми полосами, и в нем отрывисто звенели склянки. Звон склянок вызывал у Тренера множество воспоминаний. В сущности, вся жизнь прошла под этот звон, всегда одинаковый и всегда немного печальный.

— Не жизнь, а целая история с географией, — усмехнулся Тренер и неожиданно сказал в пространство: — Вот за это спасибо!

Он благодарил неизвестно кого за то, что ему привелось родиться в эту величавую и грозную эпоху, слышать гул величайших портов мира, гром сражений, видеть ржавые берега Миссолунги, где умер Байрон, и заросший чертополохом Белозерск, где родился матрос Федор Гущин, читать умные книги и драться за революцию.

— Честное слово, хорошо жить! — сказал Тренер Сарвингу, вышедшему вслед за ним на

палубу. — Я чего-то там наболтал. Ты не обращай внимания. Если ты умрешь, как Гущин, я начну тебя уважать.

— Ты меня живого уважай, — захохотал Сарвинг.

Золотые пуговицы с якорями болтались на его шинели и дрожали от смеха.

Со сторожевого судна долетело глухое пение сирены. Вдали возник Петрозаводск. Спускался вечер, но в городе не зажигали огней — там ждали налета неприятельских аэропланов. Только над Онежским заводом хмуро светилось зарево литейных печей.

Вскоре после десанта у Медвежьей Горы северный фронт был прорван, и белые в беспорядке отошли к океану.

1932

All rights reserved. This book or any portion thereof may not be reproduced or used in any manner whatsoever without the express written permission of the publisher except for the use of brief quotations in a book review.

Все права защищены. Эта книга или любая ее часть не может быть воспроизведена или использована любым другим способом без письменного разрешения издателя исключая использование цитат из книг или иного способа предусмотренного законодательством.

«Strelbytskyy Multimedia Publishing»

Saksaganskogo str., 58, office 8
Kiev, Ukraine, 01033

tel. +38044 331-06-20
e-mail: ds@strelbooks.com

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

ул. Саксаганского, 58, оф.8
Киев, Украина, 01033

тел. +38044 331-06-20
e-mail: ds@strelbooks.com

Электронная книга издана
«Мультимедийным издательством Стрельбицкого»

С нашими изданиями электронных книг вы можете ознакомиться на сайтах:

www.andronum.com **www.strelbooks.com**

Желаем приятного чтения!
Свои замечания и предложения направляйте на e-mail: dmytro.strelb@gmail.com

Эта книга охраняется авторским правом
Copyright © **2017**
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»